Глава 2

Мы стояли на сцене, ожидая, когда назовут наши имена, чтобы мы могли получить дипломы и вступить в мир совершеннолетними.

- Чувак, посмотри на НЕЕ! Кто бы с ней ни спал, он счастливый сукин сын!

Я просто повернулся к нему, лишь слегка раздраженный его грубостью.

- Так случилось, что эта женщина - моя мать. И она вдова.

Мальчик удивленно моргнул, глядя на меня, а затем кивнул.

- Теперь все понятно, - небрежно сказал он и даже по-настоящему улыбнулся, отчего мое раздражение сменилось замешательством.

- Что теперь понятно? - осторожно спросил я.

Он указал на нее.

- Я имею в виду, ПОСМОТРИ на нее! - сказал он. - Сексуальность твоей матери по шкале от одного до десяти оценивается на пятьдесят баллов! Она невероятна! НЕУДИВИТЕЛЬНО, что у тебя никогда не было девушки, чувак! Ты приводишь какую-нибудь девушку домой, и по сравнению с ней ты чувствуешь, что девушка - рубленая печенка. Черт возьми, ты, вероятно, спас себя от большего горя, чем когда-либо узнаешь, не встречаясь ни с одной из ведьм в нашей школе!

Я огляделся вокруг и заметил, что несколько наших одноклассниц бросают на него неприязненные взгляды.

- Девочки в нашей школе кто угодно, только не ведьмы, - спокойно сказал я, чем заслужил несколько одобрительных ухмылок от тех, кто, казалось, был готов выцарапать глаза другому мальчику.

Он просто ухмыльнулся и сказал:

- Возможно, но ни одна из них не похожа на твою маму.

И тогда на меня снизошло что-то вроде прозрения… Я замолчал, поскольку в моей голове начали появляться мысли, навеянные этим обменом репликами. Я окидывал взглядом аудиторию, глядя прямо на свою мать новыми глазами. Она увидела, что я смотрю на нее, и слегка помахала мне рукой в знак поддержки и любви, на ее рубиново-красных губах мелькнуло подобие улыбки. В этот момент я поймал себя на том, что смотрю на нее объективно, как на женщину, и понял, что то, что сказал другой мальчик, абсолютно верно. Ее большая, упругая грудь; ее соблазнительные бедра; ее подтянутые ноги; густые темные волосы с естественными локонами; пухлые губы, которые хочется поцеловать; красивые голубые глаза, которые выглядят почти как стоячая вода; ее бледная, безупречная кожа; ее невысокий рост с идеальными пропорциями; ее тонкая талия и изящные руки. Она не была вызывающе одета, но каждая клеточка ее существа кричала «Я МИЛФА!» еще до того, как был придуман этот термин.

Моя мать была, безусловно, значительно более привлекательной женщиной, чем любая из девушек, стоявших вокруг меня на той сцене. Во всех отношениях, которые я мог себе

представить, она была абсолютной богиней по сравнению с ними. Как я не заметил этого раньше? И, какой бы привлекательной она ни была, почему у нее не было поклонников, ломящихся в нашу парадную дверь? Я не мог вспомнить ни одного случая, когда к ней приходил с визитом мужчина, который не был моим отцом. Даже юрист или продавец пылесосов. Все эти годы, после смерти моего отца, она была одна и не посвящала себя ничему, кроме моего воспитания. Мы очень хорошо ладили и говорили о многих вещах в уединении нашего собственного дома, но я внезапно понял, что, несмотря на все, чему она меня научила, я практически ничего о НЕЙ не знаю... Всю оставшуюся часть выпускной церемонии в средней школе я был погружен в задумчивое молчание. Я почти не помню, как пожимал руку своему директору, когда он вручал мне диплом, настолько я был поглощен своими мыслями о своей матери.

После церемонии я рассеянно попрощался с небольшим количеством одноклассников, с которыми был в хороших отношениях, и пожелал им успехов в их будущих начинаниях. Когда я в последний раз пожал руку и слабо улыбнулся тому, кого, как я сомневался, когда-нибудь встречу снова, я пошел к своей матери, которая ждала неподалеку, выглядя настолько милой и терпеливой, насколько это возможно для человека. На ее губах играла тень улыбки, но глаза были полны гордости и радости за меня.

Когда я встал перед ней, я просто кивнул и сказал:

- Думаю, сейчас я хотел бы пойти домой, мама.

На долю секунды на ее лице промелькнуло беспокойство, но оно так же быстро исчезло. С простым понимающим кивком она повернулась и взяла меня под руку.

- Хорошо, дорогой, - сказала она. - Поехали домой.

Поездка домой прошла в тишине, пока я продолжал размышлять и погрузился в свои мысли. То, что сказал этот мальчик, глубоко встревожило меня. Мать, конечно, заметила, что я глубоко задумался, и все это время не беспокоила меня. Однако, когда мы вошли внутрь, она закрыла за нами входную дверь и сказала:

- Если хочешь присоединиться ко мне на кухне, то знай, что я испекла тебе выпускной торт. Мы не обязаны есть все, но я бы хотела, чтобы ты съел хотя бы один кусочек со мной.

Все еще погруженный в собственные мысли, я тупо кивнул ей и последовал за ней на кухню. И действительно, на столе под стеклянной крышкой стоял маленький торт, покрытый шоколадной глазурью, с изящно нарисованными на нем словами «Поздравляю, Конрад!». Я сел за стол, пока она резала торт, отрезала кусочек и положила его мне на тарелку. Когда она поставила его передо мной, и я тупо уставился на него, ей, наконец, показалось, что с нее хватит.

- Ладно, Конрад, - серьезно сказала она. - Выкладывай. Что тебя гложет?

Я несколько секунд продолжал смотреть на торт, подбирая слова и вопросы, на которые хотел получить ответы, и сделал глубокий вдох.

- Мам, ты одинока из-за меня?

Моя мать удивленно заморгала, услышав этот вопрос.

- Я... что?

Затем я рассказал ей о разговоре, который у меня был с мальчиком на выпускной церемонии, и о мыслях, которые у меня возникли в результате. Все это время она старательно молчала и позволяла мне высказаться, задавать свои вопросы, пока я не выложил все. Когда я закончил, она просто уставилась на меня с этим самым странным выражением на лице.

Не говоря ни слова, она просто взяла себе кусок торта и откусила несколько кусочков, задумчиво пережевывая его. Время от времени ее розовый язычок выскальзывал и слизывал глазурь с губ, что сводило меня с ума теперь, когда я осознал, насколько она сексуальна на самом деле. Я не мог сказать, была ли она расстроена, или удивлена, или грустна, или что-то еще. Я никогда раньше не видел у нее такого выражения лица. Я наблюдал за ее глазами, которые, казалось, несколько мгновений двигались в нескольких направлениях, пока она, наконец, не посмотрела прямо на меня и не отложила вилку, так как ее кусок торта был съеден только наполовину. Однако она по-прежнему ничего не говорила.

- Ну? Я прав?

Моя мать медленно встала, не сводя с меня глаз. Когда она полностью встала на ноги, она сказала:

- Останься здесь на минутку, пожалуйста. Мне нужно кое-что взять. Я сейчас вернусь.

Не сказав больше ни слова, она повернулась и ушла. Я ждал на своем месте за обеденным столом несколько долгих минут, пока она не вернулась, теперь уже с толстым фотоальбомом в руках. Она осторожно отодвинула наши тарелки с тортом в сторону, положила книгу на стол передо мной и снова села напротив.

- Открой его, - сказала она. Когда я открыл его примерно на середине, я увидел множество черно-белых фотографий, большинство из которых были изображениями ее или моего отца, иногда вместе, иногда поодиночке. Они выглядели очень счастливыми.

- Я не понимаю, - сказал я, пролистав страницы несколько мгновений.

Мать протянула руку и перевернула страницы назад. Она остановилась на странице, где была ее фотография, когда она была совсем маленькой. Я бы предположил, что ей было примерно столько же лет, сколько мне тогда, когда была сделана фотография. На ней также был отец. Коннер и Роуз, 1972 год, фотография называлась. Я поднял на нее непонимающий взгляд в замешательстве. Она кивнула на фотографию.

- Посмотри туда хорошенько, - сказала она. - Что ты видишь?

- Я вижу тебя и отца, - немедленно ответил я. - Перед тем, как он умер.

- Присмотрись еще лучше, - я посмотрел вниз. - А теперь посмотри на меня.

Я сделал это. На моем лице все еще было написано замешательство, и она мгновенно это заметила. Закатив глаза, она сказала:

- Сделай это снова. Посмотри на фото, а затем на меня.

- Я понимаю, - вежливо сказал я. - На фотографии ты моложе, а сейчас ты старше. Ну и что? Как это на что-нибудь отвечает?

Мать, однако, осталась стойкой.

- Теперь... посмотри на своего отца, - сказала она мне.

Я сделал это. И тут меня словно молнией ударило... Я быстро оглянулся на нее.

- Он был старше! Он был старше! - объявил я.

Она кивнула.

- Теперь я хочу, чтобы ты перевернул страницы еще дальше назад. Перенесись на годы назад. Держи глаза открытыми. Разобраться в этом не должно быть слишком сложно.

Я сделал, как она велела. По мере того, как в альбоме шли годы назад, и она, и мой отец становились все моложе и моложе. Когда ей было около 15 лет, а ему около 30, на фотографиях внезапно появилось другое лицо… Это была другая женщина.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://erolate.com/book/4388/157800